

В прозаических примечаниях к стихотворной сатире были приведены «предосудительные слова» Толстого о том, что он не считал своей главной целью в «Войне и мире» обличение «ужасов крепостного права». Поэтому он сам становился сатирическим героем «Искры»:

Тогда славяне жили тихо,
Постилась каждая купчиха...
Но чтоб крестьян пороли лихо,
Застенки были, Салтычиха...
Все это слух пустой²⁴⁴.

Так звучала статья Толстого «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» в пародийном переложении Михаила Бурбонова:

Нам Бонапарт грозил сурово,
А мы кутили образцово,
Влюблялись в барышень Ростова,
Сводили их с ума...²⁴⁵

Легко запоминающиеся «куплеты» Минаева тиражировали «общее мнение» радикальной критики о «Войне и мире» как «ретроградном» романе.

«Искра» подвела итог обсуждению романа в демократической печати. И вышло так, что и здесь роман был отвергнут, как он был отвергнут консервативной прессой. Если справа возвышался Норов, то позицию слева занял столь же суровый Михаил Бурбонов.

Радикальные публицисты из «Искры» и «Дела» единодушно считали «Войну и мир» славянофильским романом и охотно уступали его литературному «кружку» журнала «Заря».

«Струйке народности, — пишет Шелгунов, — проходящей через роман, мы не можем не сочувствовать, но зачем же впадать в крайности и от народа переходить к славянофилам?»²⁴⁶ «Сумбур славянофильства», по его мнению, мог заинтересовать только приверженцев этого учения. И он оказался прав. Потому что славянофилы действительно заинтересовались «Войной и миром» и сказали о ней некоторые важные и новые слова.

Критическая поэма

1

Не отрицая идеальных стремлений Толстого, в «Отечественных записках» рассматривали «Войну и мир» как сатиру, как обличительное произведение. Это внутреннее противоречие авторского замысла и критической интерпретации вызывало в па-

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Шелгунов Н. В. Философия застоя... С. 29.

мяти полемику между В. Г. Белинским и К. С. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Гоголя.

«Отечественные записки» стремились продолжать линию Белинского, который читал «Мертвые души» как сатирический роман, «эпос нашего времени». К. Аксаков, в отличие от Белинского, видел в книге Гоголя именно поэму, то есть произведение, проникнутое идеальной целью, заставляющей вспомнить античный эпос. «Только у Гомера можно найти такое творчество»²⁴⁷, — пишет К. Аксаков.

Спор этот был очень горячим, оставил заметный след в истории журналистики и критики. Но он был как бы не завершен тогда. И вот теперь он вспыхнул вновь уже в связи с «Войной и миром». Если Некрасов в «Отечественных записках» взял сторону Белинского, то мысль Аксакова нашла поддержку и понимание в славянофильском журнале «Заря».

Известный в свое время журналист, историк и критик Василий Владимирович Кашпирев (1827—1875) собрал вокруг своего журнала «Заря» небольшой кружок писателей, критиков и публицистов. Среди них были такие замечательные деятели славянофильства, как Н. Я. Данилевский, автор исторического труда «Россия и Европа», а также известный критик и философ Н. Н. Страхов, написавший книгу публицистических статей «Борьба с Западом в нашей литературе».

Название журнала, по всей видимости, восходит к стихотворению А. С. Хомякова «В воздушных высотах меж ночью и днем», где есть такие строки: «Заря, тебе подобны мы, / Сמשенья пламени и хлада...»²⁴⁸. Новый роман Толстого представлял для журнала удобное поле для приложения своих общих идей к современной литературе.

2

Николай Николаевич Страхов (1828—1896) написал не одну, не две, а целую серию журнальных статей о «Войне и мире»²⁴⁹, которые потом были выпущены отдельной книгой. Это была первая, и притом фундаментальная, работа, посвященная «Войне и миру» и Толстому, его мирозерцанию и художественному самосознанию. Страхов называл свою работу «критической поэмой»²⁵⁰.

«Лучшим своим делом, — говорил Страхов, — я считаю

²⁴⁷ Аксаков К. С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души//Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 144.

²⁴⁸ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 68.

²⁴⁹ См.: Страхов Н. Н. Война и мир. Т. I, II, III, IV. Статья первая//Заря. 1869. № 1. С. 123—152; Война и мир. Т. I, II, III, IV. Статья вторая и последняя//Заря. 1869. № 2. С. 207—252; Литературная новость//Заря. 1869. № 3. С. 199; Война и мир. Т. V и VI//Заря. 1870. № 1. С. 108—142.

²⁵⁰ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, 1870—1894. Спб., 1914. С. 38.

все-таки мою критическую поэму в четырех песнях — «Критический разбор «Войны и мира»²⁵¹. Его привлекало в творчестве автора этой великой книги не только художественное совершенство изображения, но и необычайная высота нравственного взгляда на жизнь.

Толстой вовсе не считал, что «задача всей литературы состоит только в обличении зла» (5, 271). Напротив, он утверждал, что «литература народа есть полное, всестороннее сознание его, в котором одинаково должны отразиться как народная любовь к добру и правде, так и народное созерцание красоты в известную эпоху развития» (5, 272).

Страхов начал с того, что указал на явную неприязнь критики к «Войне и миру», несмотря на то, что книга пользуется такой любовью читателей. «Война и мир», по словам Страхова, «испытывает на себе судьбу всего истинно великого». «Истинно великое часто вовсе не признается людьми...» «Обыкновеннейший ход дела таков, — пишет Страхов, — что люди *чувствуют* величие, но его *не понимают*. Так это было с Пушкиным в последнюю эпоху его деятельности»²⁵².

Сопоставление с Пушкиным сразу определяло ту высоту, на которой Страхов хотел вести и вел разговор о Толстом. «Можно сказать, что «Война и мир» есть самое непонятное из всех произведений русской литературы, столь же непонятное, как сам Пушкин»²⁵³. Поэтому он называет критику, посвященную роману Толстого, «сумятицей».

«Появилось одно из лучших произведений нашей литературы «Война и мир», — пишет Страхов. — Успех его был необыкновенный. Давно уже ни одна книга не читалась с такой жадностью. Причем это был успех самого высокого разряда... Ни одно из наших классических произведений — из тех, которые не только имеют успех, но и заслуживают успеха, — не расходилось так быстро и в таком количестве экземпляров, как «Война и мир»²⁵⁴.

Одну из причин такого интереса к «Войне и миру» Страхов видел именно в том, что Толстой как бы превозмог одностороннее влияние и господство сатирического, «гоголевского» направления и заставил почувствовать благодетельность и глубину пушкинской традиции.

«Есть в русской литературе классическое произведение, с которым «Война и мир» имеет больше сходства, чем с каким бы то ни было другим произведением. Это — «Капитанская дочка» Пушкина. Сходство есть и во внешней манере, и в самом тоне и предмете рассказа; но главное сходство — во внутреннем духе обоих произведений»²⁵⁵.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Заря. 1870. № 1. С. 114.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же. 1869. № 1. С. 123.

²⁵⁵ Там же. № 2. С. 209.

«Ревизор» и «Мертвые души», как они были поняты в критике «гоголевского периода», доказывали, что «нет у нас героического в жизни». Между тем с таким выводом не может примириться ни история, ни нравственное чувство. Поэтому такой очистительной грозой повеяло на всех от «Войны и мира». «В «Войне и мире», — пишет Страхов, — мы опять нашли свое героическое, и теперь уже его никто от нас не отнимет»²⁵⁶.

Страхов вовсе не отрицал наличия обличительного элемента в «Войне и мире». Напротив, он даже готов был признать, что «если бы кто-нибудь вздумал написать по поводу «Войны и мира» статью, подобную статье Добролюбова «Темное царство», то нашел бы в произведении гр. Л. Н. Толстого обильные материалы для этой темы»²⁵⁷. Достаточно обратиться, например, к главам, где изображен Растопчин.

Но такой взгляд на Толстого и его роман Страхов считал ошибочным. «Художник ищет следов красоты души человеческой, ищет в каждом изображаемом лице той искры Божией, в которой заключается человеческое достоинство личности, — словом, старается найти и определить со всей точностью, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни»²⁵⁸.

Страхов разделял мысли К. Аксакова о том, что «поэма», по существу, всегда тяготеет к большим эпическим замыслам гомеровского типа. «В брошюре К. Аксакова о «Мертвых душах» при желании можно усмотреть также предвосхищение развития русской литературы к широкому эпическому полотну, развернутому Л. Н. Толстым в «Войне и мире». В 60-е годы «Войну и мир», где будет беспощадно разоблачен Растопчин и возвеличен Платон Каратаев, с восторгом встретили Н. Страхов и некоторые «младшие» славянофилы»²⁵⁹.

3

Критика Страхова была концептуальной. И дело не в том только, что он увидел в характере Платона Каратаева проявление национальной психологии, а в том, что он понял художественное соответствие характеров Платона Каратаева, капитана Тушина и генералиссимуса Кутузова. Страхов говорил о «скромном героизме», о «смирном героизме», что многим казалось парадоксом.

Но вот появляется Тушин, «неизвестный герой» Шенграбенского сражения, и многое становится ясным.

«Каким образом в центре оставлены два орудия?» — спросил Багратион. На пороге показался Тушин, робко пробирав-

²⁵⁶ Там же. 1870. № 1. С. 118.

²⁵⁷ Там же. 1869. № 1. С. 132.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981. С. 325.

шийся из-за спин генералов. Обходя генералов в тесной избе, сконфуженный, как и всегда, при виде начальства, Тушин не рассмотрел древка знамени и споткнулся на него. Несколько голосов засмеялось... Что прикрытия не было, этого не сказал Тушин, хотя это была сущая правда. Он боялся *подвести* этим другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрел прямо в лицо Багратиону» (9, 242).

Именно здесь складывается и подготавливается та общая формула романа, которая освещает нравственную глубину исторического замысла Толстого. «Ваше сиятельство, — прервал князь Андрей молчание своим резким голосом, — вы меня изволили послать к батарее капитана Тушина. Я был там и нашел две трети людей и лошадей перебитыми, два орудия исковерканными, и прикрытия никакого» (9, 243). Князь Андрей говорит то, о чем молчит Тушин.

«Князь Багратион и Тушин одинаково упорно смотрели теперь на сдержанно и взволнованно говорившего Болконского. «И ежели, ваше сиятельство, позволите мне высказать свое мнение, — продолжал он, — то успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина с его ротой», — сказал князь Андрей и, не ожидая ответа, тотчас же встал и отошел от стола» (9, 243).

Страхов рассматривал «Войну и мир» как «апофеоз смиренного русского типа», как апофеоз капитана Тушина и Кутузова, перед которыми «спасовал» Наполеон. И в этом отношении Страхов считал Толстого продолжателем той традиции, которая была намечена Пушкиным уже в «Повестях Белкина». «Он первый, — пишет Страхов о Толстом, — показал нам в неслыханной красоте то, что ясно видела и понимала только безупречно-гармоническая, всему великому доступная душа Пушкина»²⁶⁰.

В качестве эпиграфа к одной из своих статей Страхов взял слова Толстого, которых тогда, кроме него, никто не замечал в «Войне и мире»: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» (12, 165). В свете этой нравственной истины Страхов рассматривал все содержание «Войны и мира»: «Простота, добро и правда победили в 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вот смысл «Войны и мира»²⁶¹.

4

Страхов во многом следовал за Аполлоном Григорьевым. В статье о Толстом Григорьев отмечал, что «тип простого и смиренного человека, впервые художественно выведенный на сцену Пушкиным в лице Белкина, с тех пор под различными фор-

²⁶⁰ Заря. 1870. № 1. С. 118.

²⁶¹ Там же. С. 117.

мами является в нашей литературе»²⁶². Григорьев имел в виду Максима Максимыча из «Героя нашего времени» и героев «военных рассказов» Толстого («Рубка леса» и др.). Теперь Страхов прибавил к этой плеяде капитана Тушина.

Но Григорьев предчувствовал, что тут может возникнуть соблазн идеализации «смирного типа». И предостерегал: «Придать этой стороне души нашей значение исключительное, героическое — значит впасть в другую крайность, ведущую к застою и закиси. Максим Максимыч и капитан Толстого (из «Рубки леса»), конечно, люди очень честные и без всякой похвалы храбрые... но с ними немыслима никакая история»²⁶³.

Страхов не избежал соблазна идеализации «смирного типа». И ему воспротивился прежде всего сам Григорьев, который при всей его любви к Белкину признавался, что из мира народных преданий и Стеньку Разина «не выживешь»²⁶⁴. Ведь его-то уж никак нельзя назвать «смирным» или «смирненным» человеком.

Воспротивился Страхову и Толстой, который в «Воине и мире» нарисовал не одного только Платона Каратаева в плену, но и Тихона Щербатого в партизанском отряде. «Я совсем не согласен с вами о делении людей на деятельных и пассивных и о том значении, которое вы придаете тем и другим, — напишет впоследствии Толстой в письме к Страхову. — Виноват, но я слышу тут отголосок неудавшейся мысли Григорьева о хищных и смирных типах, которой я никогда не понимал. Самое деление неправильно» (62, 236).

Толстой доказывал, что «противоположное смирному есть бунтующий или горящий, но не хищный» (62, 236). А главное, все эти схемы хороши на бумаге, а в действительности все гораздо сложнее. «Это только в литературе, — говорил Толстой. — А (в маленькой штучке) в жизни?» (62, 236).

5

Аполлон Григорьев называл свой метод анализа художественного произведения «органической критикой». У органической критики были два основных принципа: во-первых, произведение рассматривалось как явление жизни, а во-вторых, оно воспринималось как органически целое явление.

«У гениальных натур, — пишет Аполлон Григорьев, — потому что о них говорится, когда говорится о новом слове в жизни и в искусстве, созерцание не разорванное, а цельное»²⁶⁵. Именно таким и представлялось Страхову мирозерцание Толстого в «Воине и мире». Поэтому всякий «выборочный» разбор он считал не только неполным, но и неправомерным.

²⁶² Григорьев А. Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой//Время. 1862. Кн. 9. С. 14.

²⁶³ Там же. С. 13.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967. С. 142.

«Война и мир» — есть произведение *гениальное*, — пишет Страхов, — равное всему лучшему и истинно-великому, что произвела русская литература. Каждый читавший и уразумевший не может не чувствовать, что такие сцены, как свидание Наташи с князем Андреем, встречи Николая Ростова с княжной Марьей в Воронеже, смерть князя Андрея, Кутузов, получающий весть об оставлении Москвы французами, и пр. — суть сцены бессмертные»²⁶⁶.

Суждения такого рода были настолько смелыми и непривычными, что журнал «Искра», весело смеявшийся над Толстым, посмеялся и над Страховым, которого здесь называли «поврежденным критиком». Его речи о Толстом цитировались как бред. «Лев Толстой!.. Он самый первый гений мира, в «Заре» пишу я круглый год»²⁶⁷, — потешалась «Искра». Однако нападки со стороны «нигилистов» лишь подкрепляли позицию «Зари».

Страхов утверждал, что с появлением «Войны и мира» «невольно чувствуется и сознается, что русская литература может причислить *еще одного* к числу своих *великих писателей*»²⁶⁸. «Кто умеет ценить высокие и строгие радости духа, кто благоговеет перед гениальностью и любит освежать и укреплять свою душу созерцанием ее произведений, тот пусть порадуется, что живет в настоящее время»²⁶⁹. Тут органическая критика была на высоте.

И вдруг Страхов стал доказывать, что в «Войне и мире» существуют самостоятельно, обособленно и даже независимо друг от друга «философия» и «хроника». «Толстой сделал большую ошибку против художественного такта, — пишет Страхов. — Его хроника очевидно подавляет собою его философию, и его философия мешает его хронике»²⁷⁰.

Больше того, он утверждает, что разделение «философии» и «хроники» не только возможно, но и необходимо. «Пройдет немного времени, — пишет Страхов, — и наши глаза привыкнут ясно разделять два предмета, которые смешиваются только на первый взгляд: хронику «Войны и мира» и ее философию»²⁷¹.

Здесь Страхов явно отступил от самих принципов органической критики. Но он этого как будто не замечал. Толстой предвидел такого рода критику. В одном из набросков предисловия он особо подчеркивал внутреннее единство «романа» и «рассуждений» в своей «книге»: «Если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний» (15, 241).

Толстой с удивлением следил за критической мыслью Стра-

²⁶⁶ Заря. 1869. № 3. С. 199.

²⁶⁷ Бурбонов М. Застольные беседы//Искра. 1870. № 21 (29 мая). С. 713—720.

²⁶⁸ Заря. 1869. № 3. С. 199.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. 1870. № 1. С. 123.

²⁷¹ Там же.

хова, за его разрушительной работой. «У вас есть одно качество, — отмечал Толстой в письме к Страхову, — которого я не встречал ни у кого из русских, это, при ясности и краткости изложения, — мягкость, соединенная с силой: вы не зубами рвете, а мягкими сильными лапами» (61, 262). С критикой Страхова, по-видимому, связано «раздельное издание» «Войны и мира», осуществленное Толстым в 1873 году, где «Рассуждения» напечатаны отдельно от «хроники»²⁷².

Но «раздельное издание» 1873 года уже в 1886 году (с некоторыми поправками в распределении материала по томам) было заменено первоначальным, «целостным изданием» великой книги²⁷³. В эстетическом трактате «Что такое искусство?» Толстой в духе органической критики заметил: «Главная черта всякого истинно художественного произведения — цельность, органичность, такая, при которой малейшее изменение формы нарушает значение всего произведения» (30, 131).

6

Если Навалихин (В. В. Берви-Флеровский) был Зоилом (несправедливым), то Страхов стал Аристархом, (справедливым) критиком «Войны и мира». Толстой, как Гомер, проходил через критическое испытание времени. Ему не помешало осуждение Зоила и не повредила хвала Аристарха. И то и другое оказалось необходимым для его вековой славы.

Страхов считал Толстого славянофилом. И в этом отношении противопоставлял ему Тургенева, которого считал западником. Но при этом он относился к ним не как к публицистам и теоретикам того или иного течения в общественной жизни, а именно как к художникам, имеющим более широкий и непосредственный взгляд на жизнь.

«Тургенев и Толстой противоположны друг к другу, — пишет Страхов в предисловии к первому изданию своих критических статей. — Одного можно назвать западником, другого — славянофилом, хотя в строгом смысле эти названия к ним неприменимы». И противопоставление Тургенева Толстому тоже было условным. «Художество, — продолжает Страхов, — по самой своей природе слишком свободно, чтобы вполне подходить под определение наших партий»²⁷⁴. Поэтому он, критикуя Тургенева, стремился не упустить из виду все его настоящие достоинства. Точно так же, опираясь на Толстого, он стремился уже в публицистическом, «строгом смысле» раскрыть достоинства славянофильства, которому служил как журналист и критик «Зари». Отношения Толстого и Страхова были непро-

²⁷² См. подробнее: Бабаев Э. Г. О единстве и уникальности «Войны и мира» // Яснополянский сборник. Тула, 1988. С. 67—84.

²⁷³ См.: Страхов Н. Н. Критические статьи (1861—1894): В 2 т. Киев, 1902. Т. 1. С. III.

²⁷⁴ Там же.

стыми. И письма Толстого к Страхову бывали острополюемическими.

Но все это не мешало Толстому относиться к Страхову с глубоким уважением, как к честному и искреннему своему собеседнику. «Это единственный человек, который, никогда не видевши меня, так тонко понял меня»²⁷⁵.

И читатели чувствовали, что с появлением статей Страхова само отношение к Толстому изменилось, поднялось на какую-то новую высоту. «Задолго до нынешней славы Толстого, — пишет Страхов, — до восторгов, вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, как еще не была кончена «Война и мир», я почувствовал вполне значение этого писателя и старался объяснить его читателям»²⁷⁶.

Страхов недаром называл свой «критический разбор» «Войны и мира» поэмой. Действительно, в его статьях есть «поэтические», даже лирические ноты. В. А. Гольцев с некоторым удивлением отмечал, что «при разборе произведений Л. Н. Толстого Страхов постоянно выходит из роли художественного критика и выражает сочувствие и восхищение идеями разбираемого автора»²⁷⁷. Он не затевал с Толстым теологических или богословских споров, но он всецело сочувствовал общему направлению его духовных исканий, видя в его творчестве противовес материалистическим и атеистическим «вевниям» 60-х годов.

«Пусть это называют пантеизмом, или фатализмом, или буддизмом, но во всяком случае, — говорил Страхов, — пусть признают, что это путь, ведущий к Богу, и что Толстой, вышедши на него, до сих пор идет прямо, а не в обратном направлении». Многие находили такое сопоставительное рассуждение важным в историческом отношении и прозорливым по существу. Г. Данилевский справедливо называл Страхова «лучшим истолкователем Толстого»²⁷⁸.

У Страхова были все основания для того, чтобы любить свою «критическую поэму». Толстой однажды сказал о нем: «Страхов своей критикой придал «Войне и миру» то высокое значение, которое получил мой роман и на нем остановился навсегда»²⁷⁹.

В 60-е годы Страхов вел настоящую борьбу за «Войну и мир». Он оказался в самой гуще полемики о романе. Ему приходилось выдерживать натиск как «слева», так и «справа», вести спор одновременно и с Берви-Флеровским и с Вяземским.

²⁷⁵ Цит. по: Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1964. С. 342.

²⁷⁶ Страхов Н. Н. Критические статьи (1861—1894). Т. 1. С. III.

²⁷⁷ Гольцев В. А. О художниках и критиках. М., 1899, С. 121.

²⁷⁸ Данилевский Г. П. Поездка в Ясную Поляну // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. Март. С. 541.

²⁷⁹ Цит. по: Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. С. 342.

В разгар борьбы он высказал мудрое предостережение против скоропалительных оценок произведений искусства. «Не «Войну и мир» будут ценить по вашим словам и мнениям, — сказал Страхов, — а вас будут судить по тому, что вы скажете о «Войне и мире»²⁸⁰. Эта максима, являясь известным итогом полемики о романе Толстого, достойна войти в теорию и историю литературной критики, настолько точна ее афористическая мысль.

«Великое произведение великого писателя»

1

Страхов высказал много новых, веских и убедительных суждений о «Войне и мире». Но его суждения, столь высоко оцененные историей литературы, у современников не встречали настоящего сочувствия и понимания. Страхову не хватало авторитета: он был в глазах большинства критиков той поры «кружковым писателем», чье мнение воспринималось с известной долей недоверия.

Тут нужен был «равный художник», который бы высказал настоящую оценку «Войны и мира» голосом «власть имущего». Именно это и сделал Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883), старший современник Толстого и отчасти его учитель в литературе.

Толстой был несговорчивым учеником. Отношения его с Тургеневым были сложными и в жизни и в литературе. Это была странная вражда и странная дружба двух великих современников, которая привлекала внимание и озадачивала биографов. «Ни один писатель, ни один критик не уделял «Войне и миру» столько внимания, — отмечает Н. Н. Гусев, — как друг-недруг Толстого — Тургенев»²⁸¹.

Когда в 1865 году в журнале «Русский вестник» появились первые главы романа «Тысяча восемьсот пятый год», Тургенев возроптал: «К истинному своему огорчению, я должен признаться, что роман этот мне кажется положительно плох, скучен и неудачен. Толстой зашел не в свой монастырь — и все его недостатки так и выпятились наружу»²⁸².

Тургенев читал «Войну и мир» как исторический роман и судил об этом произведении так, как привык судить о произведениях этого жанра. «Где тут черты эпохи — где краски исторические? — недоумевал Тургенев. — Фигура Денисова бойко

²⁸⁰ Страхов Н. Н. Критические статьи. Т. 1. С. VI. 312—313.

²⁸¹ Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. С. 863.

²⁸² Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма. М.; Л., 1967. Т. V. С. 364.